

УДК 82.0(091)

**ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА М.В. ЛОМОНОСОВА
В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (10–60-е годы XIX в.)****М.М. Сидорова***Аннотация**

Статья посвящена проблеме изучения и преподавания творчества М.В. Ломоносова в Казанском университете XIX века. В центре внимания – труды трёх профессоров русской словесности Казанского университета – Г.Н. Городчанинова, В.М. Перовощикова и Н.Н. Булича. Созданные в 10-х, 20-х и 60-х годах XIX в., они позволяют выявить основные этапы развития историко-литературной науки не только в Казанском университете, но и в России, оценить вклад в её развитие казанских учёных.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, Г.Н. Городчанинов, В.М. Перовощиков, Н.Н. Булич, Казанский университет.

Изучение творчества М.В. Ломоносова входило в программу преподавания русской словесности в гимназиях и университетах России на протяжении всего XIX века. Цель настоящего исследования – рассмотреть, как складывалось изучение и преподавание творчества М.В. Ломоносова в Казанском университете в XIX столетии. Обращение к региональному материалу обогащает историю литературоведения и научно-преподавательской деятельности отдельных представителей Казанского университета. Представляется важным установить, какую направленность имело изучение творчества Ломоносова в разные периоды формирования и развития историко-литературной науки в России, и определить место казанских филологов в этом процессе.

С изучения наследия Ломоносова и начинается литературоведение в Казанском университете. Ещё в 1806 г. научная работа «Опыт риторического разбора одной строфы из 7-й торжественной оды г-на Ломоносова» была представлена на суд Совета университета для утверждения в должности адъюнкта первого «чиновника для российской словесности» Григория Николаевича Городчанинова (1772–1853). Именно он почти четверть века будет учить русскому языку казанских студентов, став сначала экстраординарным (1810), затем ординарным (1814) профессором Казанского университета по кафедре красноречия, стихотворства и языка русского.

Городчанинов был одним из наиболее приверженных поклонников творчества Ломоносова. На протяжении своей преподавательской деятельности, прак-

---

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.А18.21.0536 «Региональная модель формирования и развития русского академического литературоведения: Казанская научная школа».

тически до конца 20-х годов XIX в., он включал оды Ломоносова в материал лекций, считая их превосходным образцом лирической поэзии, весьма удобным к очищению вкуса и к образованию стиля молодых людей, упражняющихся как в стихотворной, так и в прозаической словесности.

Отчасти именно это увлечение Ломоносовым сформирует репутацию Городчанинова как человека отсталого по отношению к литературе, закосневшего в своих филологических взглядах. В немалой степени формированию этой репутации будут способствовать воспоминания С.Т. Аксакова, одного из первых студентов Казанского университета, назвавшего Городчанинова в своей «Семейной хронике» «бездарным» и «отсталым», морщившимся при имени Карамзина и изъявлявшим сожаление, что университетское юношество заражено этим опасным писателем. При этом, как пишет Аксаков, Городчанинов приходил в восторг от того, что некоторые студенты, отчасти из шалости, умилялись перед Ломоносовым и Сумароковым [1, с. 366–369].

Однако сведения из данного источника, описывающего события 1806 г., не следует трактовать однозначно. Необходимо помнить, что в период зарождения русского литературоведения (конец XVIII – 40-е годы XIX в.) системы литературных воззрений отличались строгой нормативностью, порой даже схоластичностью. Учение о словесности формировалось в России как общефилологическое, затрагивающее и происхождение, и функции слова. Да и в самой теории поэзии в начале XIX в. еще не наблюдается каких-либо серьезных изменений по сравнению с прошедшим веком. По-прежнему её определяют две системы, которые охватывались в одном случае учением о сущности и назначении поэзии, в другом – учением о поэтических родах и видах. Это и определяло специфику преподавания русской словесности в российских университетах.

Подобная ситуация в системе литературоведческого знания в России начала XIX в. отражена в еще одном блоке «казанских» документов – письмах Городчанинову митрополита Киевского Евгения (Болховитинова), известного духовного писателя, человека, непосредственно связанного с литературным процессом и его историей – митрополит Евгений известен как автор и издатель «Нового опыта исторического словаря о российских писателях». С Евгением Болховитиновым Городчанинова связывали дружеские отношения, которые продолжались и в казанскую пору его жизни.

На просьбу Городчанинова рекомендовать ему разные сочинения для подготовки к профессорской должности Болховитинов ответил: «Вы опять спрашиваете о книгах, нужных для профессора словесности. Сами вы живете в море книг и не нагнетесь ошупью выбрать. Так и быть рекомендую вам следующие книги, какие при первом воображении пришли на память: 1. Риторика Блерова, 2.3. Риторика и логика Рижского, 4. Логика Кондильяка, 5. Ролленев способ словесных наук, 6. Мейснерова теория изящных наук и искусств, книга необходимая... И этого довольно для правил. А примеры? Ломоносов, Державин, Карамзин, Измайлов и журналы... Что впредь вспомню, уведомлю» [2, с. 3].

К сожалению, Городчанинов до конца преподавательской деятельности будет руководствоваться рекомендациями своего авторитетного друга и из года в год прописывать в программах преподавания содержание своего курса: «Эстетический разбор славнейших российских стихотворцев – по правилам Баттё

и частью Мейснера», потом переименует его в «Лучшие пиитические сочинения российские с разбором оных по эстетическим правилам г. Баттё» [3]. Имя Ломоносова всегда будет стоять рядом с античными ораторами и классиками церковного красноречия.

В чем же состоит суть риторического разбора? Чему и как учил Городчанинов своих учеников, разбирая творения Ломоносова? Рассмотрим это на примере «Опыта риторического разбора одной строфы из 7-й торжественной оды г-на Ломоносова», где разбору подвергалась 10-я строфа из «Оды на день рождения ее величества государыни императрицы Елизаветы Петровны, самодержицы всероссийской, 1746 г.»: «Ты суд и милость сопрягаешь, // Повинных с кротостью казнишь. // Без гнева злобных исправляешь, // Ты осужденных кровь щадишь».

Согласно установке Квинтилиана, обозначенной в эпитафии, должность ритора состоит в том, чтобы «подать слушателям сведения о красотах, находящихся в речи, да и о самих пороках, если случатся в одной», Городчанинов обстоятельно растолковывает значение всех употреблённых Ломоносовым слов и выражений, подчёркивая гениальность их выбора. Его рассуждения движутся в следующем направлении. Основой строфы служит мысль «Ты правосудна и милосердна», которую Ломоносов развивает в строке «Ты суд и милость сопрягаешь». Глагол «сопрягаешь», пишет исследователь, выражает соединение правосудия с милосердием, «двух царских добродетелей» по своему различных и противоречащих друг другу. Ломоносов смог соединить их и таким образом продемонстрировал богатство и красоту поэзии, а также глубину мысли автора, которая закрепляется строкой «Повинных с кротостью казнишь». Городчанинов проводит параллель между этой строкой, строкой из псалма и фразой из трагедии Сумарокова «Будь строгий судья, но будь человек» (эти слова в трагедии Семир говорит Олегу). Во всех приведенных строках, заключает Городчанинов, прослеживается мысль о том, что цари, неся в себе божественные свойства, должны быть справедливыми, что и удалось гениально выразить Ломоносову.

В 1813 г. Городчанинов сделал эстетический разбор этой же строфы. Разбор представлен в виде вопросов и ответов. Его цель – показать красоту и богатство поэтического искусства. Как и в других разборах, профессор делает примечания для студентов, указывает, какие книги нужно прочитать для полного понимания произведения.

Обе работы вошли в одно издание – «Опыт краткого руководства к эстетическому разбору по части российской словесности в пользу и употребление, обучающегося в Казанском учебном округе, юношества» [4]. Труд был одобрен Советом университета и утвержден попечителем М.А. Салтыковым для общего ознакомления и изучения в Казанском учебном округе. Основы методики изучения творчества Ломоносова излагались в предисловии к «Опыту...». Фрагмент рассуждения Роллена из книги «Способ учить и обучаться словесным наукам», где говорится, что толкование писателей есть одна из самых нужных частей риторики и что, толкуя писателей, учитель делает применение правил и учит молодых людей употреблять их в сочинении, и был преподавательским кредо Городчанинова. Отметим, что увлечение Ломоносовым проявилось и в собственном поэтическом наследии профессора, которое, безусловно, несло на себе

отпечаток классицизма: это касалось и выбора жанров. Городчаниновым написано 9 од, посвященных русским императорам Павлу I, Александру I, Николаю I и некоторым знаменательным событиям в жизни России и Казани («Ода его Императорскому величеству Александру Павловичу самодержцу Всероссийскому при его всерадостном восшествии на прародительский престол...», «Ода на всеобщий мир в Европе, произнесенная на торжественном открытии Императорского Казанского университета июля 5-го дня 1814 года», «Ода на случай высочайше оказанной городу Казани милости, после пожара, случившегося сентября 3-го дня 1815 года» и др.). Все произведения были изданы в Казани отдельной книгой [5] и переизданы с дополнениями в 1831 г. [6].

По стилю оды очень близки одам Ломоносова. Те же приёмы, те же средства изобразительности, та же комплиментарность, которая носит скорее условный характер. Эта приверженность ушедшему в прошлое литературному направлению и преклонение перед поэтическим гением Ломоносова является не только фактом личных литературных пристрастий Городчанинова, но и показателем переходной эпохи в литературном процессе. Однако если в начале XIX века поэтическое творчество Городчанинова соотносилось с общими тенденциями своего времени и традициями, существовавшими в русской литературе в начале XIX века, то в 20-е и в начале 30-х годов, к моменту переиздания его поэтического сборника, оно представляет собой явление определённо архаическое.

Так же можно оценивать и научно-преподавательскую деятельность Городчанинова. Приверженец старых литературных форм, он двадцать лет разрабатывал программы своих лекционных курсов и занятий, основной задачей которых был риторический и эстетический разбор русских писателей (главным образом Ломоносова, Державина, Карамзина). Филологические изыскания Городчанинова были связаны и с лингвистикой, и с литературоведением. Такой синкретизм был общей чертой филологических исследований всего XVIII и первых десятилетий XIX века. Усвоение опыта риторик и поэтик, переосмысление его в соответствии с задачами преподавания – немалое достижение для времени, когда художественный текст анализировался исключительно с точки зрения незаблемости эстетических канонов.

Таким образом, преподавательская деятельность была вполне традиционной для своего времени и в целом соотносилась с общими тенденциями, существовавшими в системе российского образования первого десятилетия XIX в. Но уже в 20-е годы преподавание Городчанинова, безусловно, носит характер отставания, очевидного даже для его современников. Первый историограф Казанского университета и профессор российской словесности Н.Н. Булич (1824–1895) так написал об этом «первом чиновнике для российской словесности»: «Городчанинов был бы дельным литератором и хорошим переводчиком – живи он в 18 веке, но, застыв на образцах Ломоносовского периода, он был плохим профессором российской словесности в эпоху своей деятельности. Поклонник Шишкова, он не понимал и не признавал никаких реформ языка» [7, с. 123].

Иной характер имело изучение творчества Ломоносова молодым коллегой Городчанинова и его учеником Василием Матвеевичем Перевошиковым (1785–1850). Студент первого выпуска Казанского университета, ярко проявивший

свое филологическое дарование уже в студенческие годы, он служил адъюнктом русской словесности при Городчанинове, в 1818 г. стал экстраординарным профессором русской словесности, но в том же году был переведён на кафедру отечественной истории, а 1820 г. покинул Казань, получив назначение на должность профессора Дерптского университета.

Изучение научной деятельности Перевощикова показало, что именно в Казани зрела идея научного проекта, который позволил бы Перевощикову назваться одним из первых историков отечественной словесности: был задуман и начат один из первых в России трудов по истории русской литературы [8, 9]. Это была совершенно новаторская задача, не имевшая аналогов в русской науке и представленная лишь отдельными попытками исторических обзоров литературы. Речь идёт об опубликованном Перевощиковым в 1822 г., через два года после отъезда из Казани, в журнале «Вестник Европы» цикле статей под общим заглавием «Материалы для истории российской словесности». Цикл включал в себя очерки о Св. Димитрии Ростовском (Туптало) (№ 5), Феофане Прокоповиче (№ 9/10), Антиохе Кантемире (№ 13/14), Михаиле Ломоносове (№ 17/18).

В цикле был заявлен исторический подход к изучению литературы, что явилось новым словом в литературоведении. Основы метода были изложены уже в первой статье, посвящённой Феофану Прокоповичу: «Феофан не написал творения для всех времен, тем менее для всех народов; его сочинения принадлежат времени, в котором он жил: все они написаны по требованию обстоятельств. Не унижаем славы его: указываем токмо ей место. И такие мужи необходимы для совершенствования человечества» [10, с. 8].

Очерки представляли собой целостную картину жизни и творчества русских писателей конца XVII – XVIII веков: освещались факты биографии, особенности психологического склада и личности писателей, приводился исторический контекст, был представлен анализ творчества в целом, давалась характеристика отдельных произведений. Ко времени опубликования очерков в 1822 г. подобных работ не существовало. Изучение литературы предполагало эстетический анализ отдельных текстов без учета времени их написания и особенностей личности писателя и эпохи в целом. Перевощиков же учитывал исторический контекст и предпринял попытку взглянуть на событие литературы исторически. Метод историзма, предполагающий рассмотрение какого-либо литературного явления в его отношениях с действительностью, связях с жизнью общества, ещё только формировался в литературоведческих исследованиях, и очерки Перевощикова представляют собой попытку его применения.

Особый интерес представляет очерк Перевощикова о Ломоносове, примечательный оригинальными наблюдениями и оценками по целому ряду вопросов. Первое, что делает Перевощиков – реконструирует биографию Ломоносова с тем, чтобы объяснить, как формировалась личность будущего гения. Описывая его жизнь в родном Поморье, а затем в Москве, автор подчёркивает, что преодолеваемые Ломоносовым многочисленные трудности на пути к знанию не только не подавляли будущего гения, но и закаляли его. Перевощиков рассказывает о чрезвычайно сложных условиях учёбы Ломоносова в Московской Славяно-греко-латинской академии, затем о работе в Петербургской академии, где ему пришлось вести борьбу с многочисленными и сильными врагами – как

русскими, которые завидовали славе Ломоносова, так и иностранцами. Энциклопедизм Ломоносова, широту его научных интересов Перевошиков считал непосильными даже для одарённого человека.

Перевошиков выделяет два направления деятельности Ломоносова: гуманитарные науки и художественная литература, которые учёный считал главными и которые, по его мнению, составили славу ломоносовского гения, и точные и естественные науки, которыми Ломоносов занимался либо по обязанности, либо в часы досуга. Кстати, такая точка зрения на научное наследие Ломоносова бытовала до середины 60-х годов XIX в. В своем очерке Перевошиков делает обстоятельный разбор всех трудов Ломоносова, начиная с Российской грамматики, рассматривает по жанрам всё его поэтическое наследие и заканчивает «обозрение» историческими сочинениями и письмами к И.И. Шувалову. Это не просто библиографический обзор трудов Ломоносова, а их критический разбор с указанием на частные и общие недостатки и достоинства, связанные в том числе с условиями развития общества, науки и литературы того времени, что представляло собой новый взгляд на литературный факт. Перевошиков, как автор трактатов по эстетике, демонстрирует тонкость и наблюдательность в оценке поэтических достоинств торжественных и духовных од и трагедий Ломоносова.

Примечателен очерк Перевошикова и назидательностью по отношению к молодому поколению. Это убедительное свидетельство того, что «материалы» являются фрагментом учебного пособия, в котором так нуждалась в те годы российская высшая школа, и, возможно, фрагментом курса отечественной словесности, который слушали дерптские студенты на лекциях в недавнем прошлом казанского, а теперь дерптского профессора словесности. Даже портрет Ломоносова составлен литературоведом так, чтобы образ учёного произвёл впечатление на молодую аудиторию: «Ломоносов был видного роста, вспыльчив, веселого нрава, в обхождении краток и остроумен, друзьям верен; покровительствовал упражняющимся в науках... не хотел мстить врагам своим; желал богатства, чтобы удобнее и беспечнее предаваться ученым упражнениям» [11, с. 12–13].

Беспорно, уход Перевошикова был большой потерей для Казанского университета. На протяжении 20–40-х годов преподавание русской словесности в Казанском университете будет подчинено инерции схоластики и научного застоя, заданного литературными пристрастиями Городчанинова и усиленного впоследствии попечительскими установками Магницкого.

Работавшие одновременно с Городчаниновым В.А. Скворцов и М.С. Рыбушкин, сменивший его на посту руководителя кафедрой Г.С. Суровцев не выйдут за рамки пресловутой общей теории словесности и правил прозаических сочинений, с приложением оных к творениям знатнейших российских писателей.

Инструкции Магницкого, направленные на «обновление» Казанского университета, внесли коррективы в порядок преподавания всех наук в университете. Но более всего они коснулись словесного отделения и прежде всего кафедры отечественной словесности. Пожелания попечителя не только вторгались в сферу предмета изучения, но и регламентировали методы изучения. «Профессор российской словесности, – было сказано в инструкции, – должен сколько можно

менее останавливаться на мертвых правилах риторики, но обязан более научить упражнениям; красоты языка славянского и критический разбор священных писателей (подчеркнуто Магницким. – *М.С.*) – должно быть главным его занятием. Величайшие образцы всех благороднейших родов истинного красноречия покажет он в Библии и докажет сравнением с нею лучших авторов древних, ея над всеми ими превосходство... Он разберет образцовые творения Ломоносова, Державина, Богдановича, Хемницера и укажет превосходство их над прочими в подражании древнему вкусу... Он убережет... слушателей от увлечения в новизне модного слога и потому все то, что введено в язык произволом и смелостью – отвергнет, как не классическое и недостойное подражания» [12, т. 3. с. 456]. И хотя в 1825 г. Магницкий покинет Казанский университет и, более того, попадёт под арест, дух попечительских инструкций, направленный на соединение «религии и ведения (знания)», разбор образцовых писателей долгое время будут определять направление в изучении русской словесности в Казанском университете.

Новым словом в исследовании творчества Ломоносова не только в Казанском университете, но и во всей России станет работа профессора русской словесности Николая Никитича Булича (1824–1895), написанная в 1865 г. [13–15]. Как известно, не столетие со дня рождения, а столетняя годовщина со дня смерти Ломоносова в апреле 1865 г. широко отмечалась в России. Кроме Москвы и Петербурга, 23 российских населенных пункта провели торжественные мероприятия – молебны, научные заседания, литературные вечера, обеды по подписке. Общая волна торжеств миновала, однако, Казань – университетский город с уже сложившимися традициями существования литературных обществ, торжественных университетских актов и публичных чтений.

Хотя к празднованию «столетней памяти Ломоносова» в Казани готовились. В частности, в одном из обращений к попечителю Казанского учебного округа было испрошено разрешение на проведение мероприятий, в том числе чтения двух лекций профессора русской словесности Николая Никитича Булича. Как сообщалось, «содержание лекций заключалось в изложении духовного развития Ломоносова и в очерке его литературной и научной деятельности, а затем высказывалось соображение о его значении для образования и жизни» [16, с. 67].

Однако юбилейные мероприятия в Казани не состоялись, а речь Н.Н. Булича «К столетней памяти Ломоносова», которая предназначалась для прочтения на предполагавшемся торжественном акте Казанского университета увидела свет лишь на страницах «Учёных записок Казанского университета» [17].

В силу каких-то причин (возможно, опоздание к юбилейному апрелю, выход в периферийном периодическом издании или что-то ещё) статья Булича осталась без должной оценки современников. Да и в последующем отечественная историко-литературная наука не включила Булича в ряды ломоносоведов. Между тем речь казанского профессора представляет собой весьма оригинальное по идее и внушительное по объёму (130 страниц!) исследование (см. [13]). В нём очень убедительно изложена позиция учёного, соединившего в себе историка русской литературы, историка философии и историка русского образования. В немалой степени важно и то, что в этой речи раскрыты взгляды

человека по-настоящему равнодушного к судьбам русской науки и просвещения – «шестидесятника» XIX века.

Тема науки, просвещения, образования была близка Буличу и как практику – человеку, посвятившему свою жизнь делу просвещения, и как теоретику – представителю культурно-исторической школы русского академического литературоведения, рассматривавшей все явления литературной жизни в контексте развития общественной мысли, в том числе развития образования. Не случайно именно Булич станет впоследствии первым историографом Казанского университета [6]. Но прежде, ещё в 1860 г., он прикоснётся к проблемам истории русской науки, написав для «Московских ведомостей» статью «Философ Вольф и Санкт-Петербургская Академия наук во второй четверти XVIII века» [18]. Изучение материала, в частности писем немецкого ученого Христиана Вольфа, позволит ему максимально погрузиться в «академическую» ситуацию времени М.В. Ломоносова.

Речь Н.Н. Булича «К столетней памяти Ломоносова» – попытка определить историческое значение личности великого учёного для русской науки и образования, отразившая необходимость систематизировать и по-своему интерпретировать знания о нём. Булич обращается для решения столь серьёзных задач к огромному числу источников, проливающих свет на жизнь и деятельность Ломоносова. Он погружается в архивные материалы, собранные академиками И.И. Лепёхиным, П.С. Билярским, А.А. Куником, Я.К. Гротом, обращается к работам М.И. Сухомлинова, А.Д. Галахова, Е.А. Соловьёва и публикациям целого ряда современных ему исследователей, попытавшихся дать оценку естественнонаучным открытиям Ломоносова – профессоров Харьковского университета И.Ф. Леваковского, Н.Н. Бекетова, А.А. Борисяка, профессоров Московского университета Н.Э. Ляковского, Г.Е. Щуровского и других. «К счастью, – резюмирует Булич, – этот недавний юбилей был причиной появления в свет нескольких сочинений, богатых материалами для определения деятельности Ломоносова и для уяснения его жизненных отношений. Несколько подробнее с помощью этих материалов узнаётся теперь Ломоносов, несколько определённое выступает перед нами эта личность, до сих пор походившая на миф, определяемый двумя-тремя чертами, которые от продолжительного и неумеренного употребления сделались похожими на общее место» [17, с. 190–191].

Опираясь на эти материалы (в работе более 180 ссылок), Булич пытается «хладнокровно», «когда несколько охладел восторг, вызванный праздничным настроением духа», взглянуть на деятельность великого русского учёного, понять, каков он был как личность. «Оказалось, что сведения о нем (Ломоносове. – М.С.) состоят все из пустых фраз, что отношение наших современников к Ломоносову смутно и неопределенно, что роль, которую играет Ломоносов в русской умственной жизни, затемнена до невероятности восторгом, что пред нами не дело Ломоносова... а только слова о нем» [17, с. 190].

В первой части своего исследования Булич, насколько это позволяют материалы, воссоздаёт жизнь Ломоносова с рождения до начала научной деятельности в России. Повествование охватывает события детства и юности Ломоносова, исполненной лишений и борьбы всякого рода, годы учёбы в Славяно-греко-латинской академии и отъезд в Германию. Булич сетует на недостаток в материалах

и, описывая заграничный период жизни Ломоносова, опирается главным образом на переписку Вольфа, которой ранее он посвятил обстоятельную статью. Эта переписка, как и все материалы, которые использует Булич, даёт ему возможность не только восстановить событие за событием в жизни Ломоносова, но и, что характерно для всех исследований учёного, прийти к широким обобщениям – показать через конкретные детали и факты сущность блестящего внешне, но бессодержательного российского XVIII века с его эгоизмом, гордостью, презрением к народу и низкопоклонством во дворце, безумной роскошью и жестоким насилием. Здесь Булич начинает развивать и свою главную мысль: для того, чтобы наука двигалась вперёд, необходимо, чтобы она имела органическую связь со страной, что в России в ту пору было немыслимо. Именно поэтому Ломоносов оказался в одиночестве. «Он один только выходит вперед посреди бледных, своекорыстных личностей, что только один он является борцом за русскую мысль и русскую науку, которую любит больше всего» [17, с. 234]. Поэтому, размышляет Булич, в фигуре Ломоносова много трагического. Поскольку успех его служения во многом зависел от общества, в котором он жил, и от среды, в которой он действовал, вся последующая жизнь Ломоносова выглядит тяжёлым подвигом и безостановочной борьбой, на которую потрачено много сил и душевных, и телесных.

Эта мысль развивается Буличем и во второй части его исследования, которая посвящена описанию жизни Ломоносова в России, а именно периоду, когда, возвратившись из-за границы и став членом Академии наук в Петербурге, он развернул разнообразную деятельность, что было обусловлено состоянием русского образования и науки того времени. С массой подробностей описывает Булич тонкости «академической борьбы» Ломоносова с «немецкой партией», его работу по созданию Московского университета и гимназии, его деятельность как учёного. Так вырисовывается личность Ломоносова – человека целеустремлённого, «масштабного» с одной стороны, но противоречивого и уязвимого – с другой. Его колоссальные успехи, но одновременно гордость и тщеславие, похвальба своими заслугами, презрение к людям нижестоящим и равным, стремление к самовластию порождали личную неприязнь многих людей и делали его ещё более одиноким.

В третьей части своей статьи Булич даёт оценку всей деятельности Ломоносова как гениального учёного с позиций современной науки, в том числе филологической, хотя не это было главной целью учёного-филолога и профессора русской словесности Булича. Главным был разговор о непростой, в чём-то даже трагической, судьбе русской науки, о её оторванности от жизни и поддержки государства, о тернистом пути русского учёного. Нельзя не учитывать и просветительских задач автора, который не преминул поделиться с соотечественниками своим знанием, подчеркнуть, новейшим на то время знанием о жизни и деятельности Ломоносова – учёного и патриота, именем которого должна гордиться Россия.

Так, работы трёх профессоров Казанского университета, написанные в 10-е, 20-е и 60-е годы XIX века, ознаменовали собой три этапа в истории русского литературоведения – от эстетического и риторического разбора ломоносовских од, последующего «исторического» взгляда на Ломоносова, до осознания значения личности Ломоносова и его гения для русской науки, культуры и образования.

Summary

M.M. Sidorova. The Study of M.V. Lomonosov's Works at Kazan University (1810–1860s).

The article deals with the problem of studying and teaching the works of M.V. Lomonosov at Kazan University in the 18th century. Attention is focused on the papers of three Kazan University professors of Russian literature G.N. Gorodchaninov, V.M. Perevoschikov, and N.N. Bulich. Created in the 1810s, 1820s and 1860s, they reveal the main stages in the development of historical and literary studies not only at Kazan University but also in whole Russia and reflect the contribution of Kazan scholars to this process.

Key words: M.V. Lomonosov, G.N. Gorodchaninov, V.M. Perevoschikov, N.N. Bulich, Kazan University.

Литература

1. *Аксаков С.Т.* Семейная хроника и воспоминания. – М.: Тип. Л. Степановой, 1856. – 570 с.
2. *Евгений (Болховитинов Е.А., митрополит).* Письма преосвященного митрополита Киевского Евгения к профессору Г.Н. Городчанинову. – СПб., 1857. – 23 с. [Из «Журн. М-ва нар. просв.». 1857. № 4.]
3. Расписание преподавания в Императорском Казанском университете на 1828–1829 академический год по назначению Совета. – Казань: Унив. тип., 1828. – 17 с.
4. *Городчанинов Г.Н.* Опыт краткого руководства к эстетическому разбору по части российской словесности в пользу и употребление, обучающегося в казанском учебном округе, юношества. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1813. – 66 с.
5. *Городчанинов Г.Н.* Сочинения в стихах и прозе. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1816. – 87 с.
6. *Городчанинов Г.Н.* Сочинения и переводы в прозе и стихах. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1831. – 554 с.
7. *Буллич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Рассказы по архивным документам: в 2 ч. – Казань, 1887. – Ч. 1. – X + 639 с.
8. *Сидорова М.М.* О первых опытах истории русской литературы: историко-литературная деятельность профессора Казанского и Дерптского университетов В.М. Перевощикова // Русская литература в мировом и культурном пространстве: Материалы конгресса (15–17 окт. 2008 г., СПб.): в 2 т. – СПб.: МИРС, 2008. – Т. 2, ч. 1. – С. 240–248.
9. *Сидорова М.М.* Воспитанник гимназии – первый профессор Казанского университета (В.М. Перевощиков) // Третья в России, первая в Казани: к 250-летию со дня основания Казанской первой гимназии. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – С. 343–353.
10. *Перевощиков В.М.* Материалы к истории российской словесности. Феофан Прокопович // Вестн. Европы. – 1822. – № 9/10. – С. 3–21.
11. *Перевощиков В.М.* Материалы к истории российской словесности. Михаил Ломоносов // Вестн. Европы. – 1822. – № 17. – С. 3–20.
12. *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования (1804–1904): в 4 т. – Казань, 1903. – Т. 3: Окончание части второй и часть третья (1814–1819 и 1819–1827). – 594 + XVI + VI с.
13. *Сидорова М.М.* Дорогое русское имя. – URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10006.php>, свободный.

14. Булич Н.Н. К столетней памяти Ломоносова / Публ. и вступ. заметка М. Сидоровой // Наше наследие. – 2011. – № 100. – С. 52–55.
15. Берков П.Н. Ломоносовский юбилей 1865 г. (Страница из истории общественной борьбы шестидесятых годов) // Ломоносов: Сб. ст. и материалов / Под ред. А.И. Андреева, Л.Б. Модзалевского. – М.; Л., 1946. – С. 216–247.
16. Бурмистрова Л.П. Публичные лекции профессоров и преподавателей Казанского университета. XIX в. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 160 с.
17. Булич Н.Н. К столетней памяти Ломоносова // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1865. – Т. 1. – С. 189–320.
18. Булич Н.Н. Философ Вольф и Санкт-Петербургская академия наук во второй четверти XVIII в. // Моск. ведомости. – 1860. – 20 нояб. (№ 253); 25 нояб. (№ 256).

Поступила в редакцию
18.05.12

Сидорова Марина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: msidorovam@mail.ru